УДК 821.131.1
ББК 83.3(4Ита)

«НОВАЯ ЖИЗНЬ» ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ: МЕЖДУ БИОГРАФИЕЙ И АВТОБИОГРАФИЕЙ

© 2020 г. Е.Н. Мошонкина

*Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия*

Дата поступления статьи: 16 мая 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-42-65

Аннотация: Юбилейное дантовское шестилетие (2015–2021) — идеальный момент для того, чтобы оглянуться на путь, пройденный международным дантоведением за последние десятилетия, и оценить его результаты. Статья анализирует то, как медиевисты и итальянисты в последние годы постепенно изменили наши представления об одном из «малых» сочинений Данте, “Vita Nova” («Новая Жизнь»). В первой части мы предлагаем краткий обзор работ, посвященных историко-биографическому и социально-политическому контексту, в котором рождался дантовский прозиметр. Их общей особенностью является попытка нащупать преемственность в стратегиях Данте-автора и Данте-человека и тем самым преодолеть традиционный методологический разрыв между биографией Данте и его «автобиографией». Вторая часть обобщает результаты филологов, исследующих прозиметр через призму конфликта между прозой и поэзией и способствующих тем самым пересмотру представлений о нем как «автобиографическом» нарративе. Главный результат намечившегося в последние годы междисциплинарного поворота в дантовских штудиях: дантоведам удалось не только «вписать» юношеский текст Данте в современный ему историко-политический контекст, но и найти ракурс, позволяющий анализировать авторские и жизненные стратегии поэта в 90-е гг. XIII в. как взаимосвязанные части единого целого.

Ключевые слова: Данте Алигьери, «Новая Жизнь», биография, поэтика, автобиографизм

Информация об авторе: Елена Николаевна Мошонкина — доктор Сорбонны по филологии, доцент, Астраханский государственный университет, ул. Ахматовская, д. 11, 414000 г. Астрахань, Россия. ORCID ID: 0000-0002-3327-1021

E-mail: el.moshonkina@gmail.com

Для цитирования: Мошонкина Е.Н. «Новая Жизнь» Данте Алигьери: между биографией и автобиографией // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 42–65.
DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-42-65

DANTE ALIGHIERI'S *VITA NOVA*: BETWEEN BIOGRAPHY AND AUTOBIOGRAPHY

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. E.N. Moshonkina

Astrakhan State University,

Astrakhan, Russia

Received: May 13, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Abstract: The period of 2015–2021, marked by the celebration of the 750th anniversary of Dante's birth and the 700th anniversary of his death, is a perfect moment for trying to get a panoramic view of a long way the international Dante studies have gone during the last decades and to evaluate the results they achieved. The paper analyzes how recent developments in medieval studies and Italian studies have changed our perception of one of Dante's so-called "minor" works, *Vita Nova*. In the first part of this paper, I offer a brief review of the studies on historical, biographical, and social-political context in which the prosimetrum was born. The most significant common feature of these studies is that they all aspire to reveal a continuity between the strategies of Dante-the-man and Dante-the-author and to bridge the old methodological gap between Dante's biography and "auto-biography." In the second part, I briefly touch upon the arguments of those philologists who explore the *Vita Nova* from the perspective of tension between its prose and poetry and challenge the idea of this work being an auto-biographical narrative. The major result of the recent interdisciplinary turn in Dante studies, I argue, is that scholars managed not only to reinsert the text into its original historical-political context but also to find the angle of analysis that allows us to view Dante's authorial and personal strategies during this period of his life as two parts of the same whole.

Keywords: Dante Alighieri, *Vita Nova*, biography, poetics, autobiography.

Information about the author: Elena N. Moshonkina, PhD in Philology, Associate Professor, Astrakhan State University, Akhmatovskaya 11, 414000 Astrakhan, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-3327-1021

E-mail: el.moshonkina@gmail.com

For citation: Moshonkina E.N. Dante Alighieri's *Vita Nova*: between Biography and Autobiography. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 42–65. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-42-65

Начавшееся в 2015 г. юбилейное дантовское шестилетие (2015–2021¹), как и ожидалось, ознаменовалось в международном дантоведении активным подведением итогов, систематизацией результатов и пересмотром ряда устоявшихся точек зрения. Уже можно сказать, что инициированная в конце 90-х гг. прошлого века работа по подготовке к юбилеям дала отличные результаты и заложила солидный фундамент на будущее: достаточно упомянуть, что начало XXI в. было отмечено выходом фундаментального критического издания лирики Данте под редакцией патриарха итальянских дантовских штудий Д. Де Робертиса [15; 16], а затем параллельной публикацией комментированных собраний сочинений поэта (в издательствах «Mondadori» и «Salerno editrice»), работа над которыми сплотила весь цвет современного итальянского дантоведения.

В настоящей статье мы остановимся на том, каким образом накопленные за последние годы новые данные и результаты постепенно меняют наши представления об одном из так называемых «малых текстов» Данте — «Новой Жизни» («Vita nuova» или «Vita nova», в зависимости от издания²). В первой части речь пойдет о вкладе в этот процесс историков-медиевистов, вторая посвящена новым подходам, разрабатываемым филологами-итальянистами.

1 750-летие со дня рождения (1265) и 700-летие со дня смерти (1321) поэта.

2 См. сноску № 46.

Историко-биографический и социальный контекст создания «Новой Жизни»: новые данные

«Новая Жизнь», как принято считать, была создана Данте в 1292–1294 гг.³ Автор, которому в период работы над ней было 27–29 лет, уже успел получить известность как поэт и активный участник важного культурного «проекта» по обновлению языка куртуазной поэзии, одним из лидеров которого являлся харизматичный интеллеktуал и представитель знатнейшей флорентийской фамилии Гвидо Кавальканти. «Новая Жизнь» рождалась в пропитанном новаторскими устремлениями, благоприятном интеллектуальном климате в тот момент, когда перед молодым, амбициозным (но не располагавшим достаточным социальным капиталом) Данте в полный рост встала проблема поиска способов карьерного продвижения и собственного места в флорентийском обществе. Историко-биографический контекст появления и прагматическое измерение *libello* оказались в последние годы в самом центре внимания дантоведов и медиевистов, обозначив новый междисциплинарный этап в развитии дантовских штудий.

Напомним, что в дантоведении, начиная с Джанфранко Контини, сложилась традиция рассматривать *libello* исключительно в контексте последующей поэтической эволюции Данте — противопоставляя юношеское сочинение самому известному зрелому опусу (*малое произведение* vs. «*Комедия*») либо выявляя преемственность между ними. Но, как показал опыт последних лет, анализ дантовского прозиметра, ограниченный исключительно рамками текста, исчерпал себя. Стало ясно, что без взаимодействия со специалистами по социально-политической истории Флоренции конца Дученто невозможно в полной мере понять ни генезис, ни жанровую природу юношеского сочинения Данте.

«Данте сквозь призму архивных документов» («*Dante attraverso i documenti*») — название совместного международного исследовательского проекта историков и филологов, результаты которого публикуются в рамках одноименной серии⁴. Благодаря объединению усилий представителей

3 См., однако, особое мнение М. Сантагата, который относит окончание работы над «Новой Жизнью» к 1295 г. [32, с. 87].

4 Вышедшие сборники посвящены новым данным по истории семьи Алигьери [12] и предпосылкам политической карьеры Данте во второй половине 1290-х гг. [13]. Готовится публикация докладов двух конференций, состоявшихся в 2016–2017 гг. в университете Са Фоскари (Венеция) и посвященных культурно-историческому контексту дантовских эпистол:

двух смежных дисциплин дантоведы получили в свое распоряжение дополнительные инструменты анализа и новые, в том числе архивные, данные, значение которых далеко выходит за строго-биографические рамки. Если судить по уже опубликованным материалам, сделан важный шаг вперед в изучении «*Vita nova*» — в частности, в исследовании механизмов трансформации событий «реальной» жизни молодого автора в «романизированную автобиографию». Более того: выяснилось, что выводы, к которым независимо друг от друга пришли историки и филологи, во многом перекликаются и дополняют друг друга.

Одной из обозначившихся в последние годы «точек пересечения интересов» медиевистов и итальянистов является вопрос о социальном статусе рода Алигьери в XIII в. В отсутствие надежных исторических свидетельств, мнения специалистов на этот счет расходятся. Есть те, кто склонен доверять флорентийскому историографу Джованни Виллани, упомянувшему в «*Nuova cronica*» о древнем и аристократическом происхождении предков Данте. Другие, напротив, полагают, что ветвь Алигьери, к которой принадлежал поэт, в XIII в. совершенно сблизилась с пополами и лишь во второй его половине стала предпринимать усилия для своего социального возвышения [12, с. 10; 32, с. 68]. Недавний выход в свет нового «*Codice diplomatico dantesco*» («Дантовского дипломатического кодекса») [11], поставил, по-видимому, точку в давнем споре о реальности исторического существования прапрадеда поэта, Каччагвиды: в кодекс впервые включен архивный документ 1131 г., в котором упоминается «*Cacciaguida filius Adami*», проживавший в районе, прилегающем к флорентийской Бадии (*Badia Fiorentina*) в эпоху, хронологически совпадающую с той, что обозначил сам Данте в *Paradiso* XV. Однако вопрос о том, принадлежал ли Каччагвиды к флорентийской знати, по-прежнему остается открытым. Ответ на него должен определить, можно ли считать упоминание о рыцарском достоинстве Каччагвиды в *Paradiso* XV достоверной исторической информацией или авторской стратегией, призванной художественно закрепить легенду о благородном происхождении рода, переживавшего в середине XIII в. экономический и социальный кризис. Кроме того, он важен и для оценки поведенческих стратегий самого Данте

Dante attraverso i documenti III. Contesti culturali e storici delle epistole dantesche. 19–21 ottobre 2016, Università Ca' Foscari, Venezia; 15–17 giugno 2017, Università Ca' Foscari, Venezia.

в момент «политического поворота» в его биографии в 1295 г., обстоятельства которого все еще плохо изучены.

Специалист по политической истории Флоренции в XIII в. Сильвия Дьяччати отмечает любопытный факт, связанный с кругом общения молодого Данте: а именно несоответствие между пополанской социальной средой, к которой *de facto* принадлежали ближайшие родственники (*il ristretto nucleo familiare* [21, с. 245]) и в которой протекала повседневная жизнь поэта [21, р. 249], и средой крупных магнатов, союзников Черки (*Cerchi*)⁵, в которой в 1295–1302 гг. развернется его быстротечная политическая карьера. История и механизмы этого «хождения во власть» вообще вызывают у историков много вопросов: экономический и культурный капитал семьи Алигьери, как и личный опыт поэта, были явно недостаточны, чтобы объяснить столь быстрый «карьерный взлет». Впечатление социальной нетипичности фигуры Данте в флорентийской политике конца 1290-х гг. подтверждается, кроме того, сравнением с другими белыми гвельфами, «жертвами» политического переворота 1301–1302⁶.

Стремительное развитие публичной карьеры Данте в 1295 г.⁷ многих наводит на мысль о том, что за его спиной стояли более могущественные и искушенные в флорентийской политике «игроки». Так, Джулиано Милани обращает внимание на обстоятельства политического дебюта Данте: 6 июля 1295 г., на Генеральном совете Флорентийской коммуны, на котором приоры представили свои предложения по смягчению «Установлений справедливости» (*Ordinamenti di giustizia*)⁸, т. е. в момент промугляции важнейшей политической реформы, радикально менявшей систему флорентийских институтов власти. На этом заседании Данте взял слово, чтобы поддержать предложения приоров.

5 Флорентийский клан, возглавлявший партию белых гвельфов.

6 Большинство из них составляли опытные политики, активные участники борьбы «партий» [21, с. 259]. Напротив, Данте до 1295 г. не проявлял к политике интереса, не являлся членом цеха (с середины 1290-х гг. — непременное условие для избрания на публичные должности во Флоренции), не имел за спиной могущественной семьи.

7 Дж. Милани упоминает о 4 важных миссиях, порученных Данте флорентийским правительством в 1295–1296 гг. [28, с. 512].

8 Корпус принятых в 1293–1295 гг. законов, направленных на уменьшение политической роли флорентийской родовой аристократии и привлечение к государственному управлению пополанской верхушки.

Если <...> его (Данте) вступление в коммунальную политику состоялось именно в данной связи, чтобы поддержать и защитить реформы, это означает, что с самого начала он поставил себя на службу определенной политической программе, которая объясняет смысл всей последующей его деятельности <...> в эту эпоху во Флоренции формировалась коалиция, направленная на сдерживание радикальной политики пополанов <...> именно в глубокой взаимосвязи с этой группой и развивалась политическая карьера Данте [28, с. 513]⁹.

Схожей версии событий придерживается и С. Дьячatti. По ее мнению, необычно быстрое и поначалу успешное вовлечение Данте в сферу флорентийской политики объясняется тем, что он выступает в этот период как «ангажированный» партией Черки интеллигент¹⁰. Политические интересы Черки, считает исследовательница, удачно совпали с интересами и устремлениями самого Данте, надеявшегося занять в интеллектуальном пейзаже Флоренции вакантное после смерти Брунетто Латини (1294) место и попытавшегося использовать в этих целях сложившуюся к середине 1290-х гг. политическую конъюнктуру (изгнание в феврале 1295 г. лидера радикальных пополанов Джано делла Белла, новый курс на смягчение антимагнатских законов) [21, с. 263]. Задачей Данте как «ангажированного» интеллигента, действующего в интересах Черки и пользующегося их поддержкой («кооптированного» ими, по выражению С. Дьячatti), было содействие политике сближения партии умеренных магнатов с пополанской верхушкой. Именно «демократическая идеология», одним из выразителей которой, по мнению исследовательницы, выступил в середине 1290-х гг. поэт, привела к разрыву отношений между ним и бывшим «*primo amico*» Гвидо Кавальканти, представителем враждебной партии «непримиримых» аристократов [21, с. 265].

Несмотря на то что построения С. Дьячatti отчасти основаны на конъектурах и предположениях (особенно в том, что касается «политического» характера расхождений с Кавальканти и подоплеку выдвинутых против Данте в 1302 г. обвинений — здесь исследовательница явно всту-

9 Здесь и далее все научные тексты на итальянском и английском языках цитируются в нашем переводе. — Е.М.

10 См. также: [32, с. 97].

пает в область догадок¹¹), они тем не менее заслуживают самого пристального внимания, в частности, потому, что Дьячatti, опираясь на архивные исследования социальных связей рода Алигьери, предлагает объяснение важнейшего эпизода биографии Данте, примыкающего к эпохе создания «*Vita nova*». Его изучение может пролить дополнительный свет на обстоятельства, связанные с появлением *libello*. Другими словами, перед нами тот случай, когда исследования медиевистов помогают филологам «вписать» произведение в современный ему историко-социальный контекст и взглянуть на поэтическую и общественно-политическую эволюцию Данте в указанные годы, его авторские и жизненные стратегии как взаимосвязанные части единого процесса. Напомним, что одна из главных методологических проблем дантоведения связана как раз с систематическими расхождениями между архивными данными, которыми мы располагаем о жизни Данте, и «автобиографической» информацией, которой снабжает нас он сам [12, с. 328]. Сконцентрированный на любовных переживаниях персонаж «автобиографического» прозиметра и «реальный» Данте Алигьери исторических хроник того времени и архивных документов¹² до такой степени не имеют между собой ничего общего, что порой трудно поверить, что речь идет об одном и том же человеке. Исследования историков С. Дьячatti, Дж. Милано, М. Сантагата, Энрико Фаини (Е. Faini), Терезы Де Робертис (Т. De Robertis) ценны, помимо прочего, именно тем, что помогают соединить многочисленные ипостаси автора «*Vita nova*» в условно-когерентное целое. Независимо друг от друга, перечисленные авторы предлагают схожие объяснения того, почему в 1295 г. молодой рафинированный интеллект, до этого не замеченный в политической деятельности и не имевший для нее ни необходимого социального статуса, ни имущественного ценза, в одночасье перемещается в самый эпицентр флорентийской политики. Более того, дебютирует в ней сразу в качестве «эксперта» при обсуждении важнейшей реформы. Желание исследователей «нащупать» преемственность между Данте-автором и Данте-человеком естественно и понятно, и все, что нам сегодня известно о постфлорентийском творчестве поэта, лишь подтверждает обоснованность подобного подхода: обстоятельства созда-

11 На спекулятивный характер подобных гипотез указывает М. Тавони [12, с. 339].

12 Участник битвы при Кампальдино, взятия Капроны (июнь–август 1289 г.), член коммунальных советов, приор, изгнанник, дипломат.

ния практически всех дошедших до нас дантовских текстов (как и причины, по которым некоторые из них не были завершены) непосредственно связаны с переживаниями и обстоятельствами его жизни [33, с. 77–103].

Итак, в работах медиевистов в последние годы постепенно формируется новый и непривычный образ поэта: не поглощенного в любовные переживания мечтателя-философа (двойника лирического героя «*Vita nova*»), а амбициозного молодого интеллектуала, находящегося в самой гуще драматических событий, которыми отмечена история Флоренции в конце Дученто. Этот вступающий в активную жизнь молодой человек, ученик известного политика и литератора Брунетто Латини, столкнулся в 1290-х гг. с проблемой дефицита собственной *nobiltà* (или, используя современные категории, социального капитала). Несоответствие между низким социальным статусом семьи Алигьери в XIII в. и устремлениями молодого Данте переживалось им, насколько мы можем об этом судить, болезненно. Реформы политических институтов Флоренции весной 1295 г., повлекшие расширение социальной базы режима, создали в обществе запрос на интеллектуалов и открыли перед ними возможность влиться в политическую элиту. Но задачу своего социального продвижения Данте начал решать задолго до 1295 г.: есть основания полагать, что создание «*Vita nova*» не в последнюю очередь диктовалось желанием молодого поэта заявить о себе, получить определенную *visibilità* [32, с. 77].

Проясняя социальную логику решений Данте в 1290-е гг., медиевисты подсказывают новые сюжеты для исследований коллегам-дантоведам, перед которыми встает очевидный вопрос: нашла ли проблема социального возвышения, с которой поэт, как считают историки, вплотную столкнулся в середине 1290-х гг., отражение в создававшихся произведениях, и в первую очередь в *libello*? М. Сантагата полагает, что ему удалось обнаружить в «*Vita nova*» многочисленные свидетельства озабоченности Данте собственным социальным статусом. Достаточно упомянуть акцент, который повествователь-протагонист *libello* делает на дружбе с представителями социальной элиты: к ней принадлежат как «*primo amico*»¹³ Г. Кавальканти, так и второй по значимости друг — Манетто Портинари, брат Беатриче (VN XXXIII 1).

¹³ VN XXIV (15), XXV (16), XXX (19), XXXII (21). Здесь и далее в ссылках на текст «Новой Жизни» римская цифра обозначает нумерацию глав, принятую в издании М. Барби (1932), арабская — в издании Г. Горни (1996).

Можно вспомнить и загадочное упоминание о личных покоях (*mia camera*), в которые удаляется протагонист, чтобы в одиночестве предаться горю после того, как Беатриче отказывает ему в приветствии. Учитывая, что иметь личные покои в ту пору могла позволить себе только родовая знать и пытавшаяся имитировать ее стиль жизни разбогатевшая верхушка пополанов, данный пассаж не может не вызвать удивления: М. Сантагата оценивает его как попытку Данте повысить собственный статус через указание на принятый в доме аристократический бытовой уклад [32, с. 12].

Но если труды историков углубляют наши знания о жизни Данте в эпоху создания прозиметра, то работы филологов, в свою очередь, способствуют пересмотру представлений о самом прозиметре как «автобиографическом» нарративе.

Поэтика «Новой жизни»: новые подходы

Одной из главных тенденций современного дантоведения в отношении «Новой Жизни» можно считать наметившийся отход от анализа текста в биографическом русле и повышенное внимание к формально-поэтическим аспектам, и в первую очередь к новаторской концепции авторства, которую предлагает в нем Данте¹⁴. Согласно широко разделяемой точке зрения, первый в истории итальянской литературы прозиметр представляет собой прежде всего попытку ретроспективного осмысления молодым автором предшествующей поэтической традиции и собственной юношеской лирики, и только во вторую — разновидность изрядно идеализированной «автобиографии» (жанра, о существовании которого в Средние века можно говорить лишь с оговорками) [14, с. 764; 6, с. 178, 179].

Как известно, с формальной точки зрения «Новая Жизнь» представляет собой текст на тосканском наречии, состоящий из поэзии (31 компонент¹⁵) и неоднородной по характеру прозы¹⁶. В дантоведении прочно закрепился взгляд на нее как на новаторское произведение, однако долгое время эту новизну связывали с философско-содержательными аспектами («тео-

14 Об эволюции концепта *auctoritas* у Данте см.: [6].

15 25 сонетов (23 обычных, 2 тройных), 1 баллата, 5 канцон (3 многострофные, 1 однострофная и 1 неоконченная).

16 В прозе *libello* можно выделить собственно повествование автобиографического характера и два вида комментариев к поэтическим текстам — *ragioni* (обстоятельства создания текста) и *divisioni* (анализ структуры и содержания).

логия» любви). В последние годы, напротив, все больше и больше акцентируется новизна формально-жанровая, на которую указывает сам автор в открывающей *libello* метафоре *книги памяти* (*libro della memoria*, VN I (1.1)), в которой многие видят указание на литературный и селективный характер (*ordo artificialis*) текста, долгое время по умолчанию считавшегося автобиографическим [30, с. 179–180]. Часто встречающиеся в научной литературе отсылки к позднеантичным и средневековым прозиметрам (Боэций, Марциан Капелла, Алан Лилльский) как вероятным моделям «Новой Жизни», разумеется, справедливы, однако не отражают своеобразие дантовского текста, обусловленное особой ролью, отведенной в нем прозе¹⁷. Именно проза выстраивает сквозной сюжет *libello* (история любви повествователя-протагониста и прекрасной дамы по имени Беатриче), выполняя функцию «повествовательной рамки» по отношению к лирике. Вне контекста *libello* лирические компоненты не только не обладают той смысловой однозначностью, которой наделяет их прозиметр, но и допускают альтернативные толкования. Более того: включение юношеской лирики (*gime*) Данте в состав прозиметра в ряде случаев сопровождается ее ре-семантизацией, иногда радикальной, о чем будет сказано дальше. Иначе говоря, отношения прозы и поэзии в «Новой Жизни» не имеют ничего общего с тем, как устроены упомянутые прозиметры, ее «предшественники». С другой стороны, сюжетность, вкупе с «хронологическим» принципом распределения поэтических элементов, отличает *libello* и от традиционных средневековых канцоньере, организованных по формально-жанровому принципу (отдельно сонеты, отдельно баллады, отдельно канцоны).

Важным новшеством дантовского прозиметра является заимствование модели латинского схоластического *комментария* для толкования текстов на народном наречии. Речь о так называемых *ragioni*, которые Данте смело ввел в ткань своего повествования, отступив от почтенной ученой традиции, согласно которой комментарии (глоссы) следовало располагать

17 По мнению М. Пиконе, при более пристальном рассмотрении прозиметр Боэция выглядит, скорее, *антимodelью* «Новой Жизни». Другими словами, механическое сближение текстов по принципу «и то, и это — прозиметры», не учитывающее характер отношений поэзии и прозы в каждом из них, ничего не проясняет [31, с. 180]. См. также замечание А. Асколи об «эклектической», или гибридной, жанровой природе *libello*: [6, с. 181].

на полях и отделять их от авторского текста¹⁸. Напомним, что в средневековой культуре комментариев удостаивались лишь *auctores* (т. е., согласно принятому тогда значению термина, *авторы/авторитеты*), в число которых входили античные классики и отцы церкви. Термин *auctor* был наделен высочайшим культурным престижем как раз потому, что ассоциировался с античной и схоластической культурными традициями, а следовательно, с латинским языком. Как правило, *auctores* и *commentatores* разделяла еще и солидная временная дистанция. Выступая в «Новой Жизни» в роли комментатора *собственных* поэтических текстов, Данте, таким образом, явочным порядком утверждает себя в качестве *автора*, пишущего *на вольгате*¹⁹. То есть одновременно присваивает себе культурный статус, до сих пор остававшийся привилегией латиноязычных *auctores*, и дерзко переосмысливает его [6, с. 177].

Утвердившийся в XIX в. в дантоведении наивно-биографический модус прочтения «Новой Жизни» ответственен за то, что не укладывающиеся в концепцию «автобиографического нарратива» новаторские формальные характеристики текста долго оставались без внимания. В конце XX в. маятник качнулся в противоположную сторону: исследователи вплотную занялись нарративными механизмами юношеского сочинения Данте, что сразу позволило выявить многочисленные несостыковки в «автобиографическом дискурсе». Поэтому, например, М. Граньолати считает неправильным подходить к «Новой Жизни» с унаследованными от эпохи позитивизма критериями *истинности/ложности*: своеобразие дантовского прозиметра, по его мнению, заключается не в том, что проза *объясняет* или *комментирует* поэтические компоненты, а в том, что она *создает* (через отбор лирики и выстраивание псевдо-биографической последовательности, а также при помощи комментариев-*ragioni*) новые поэтические смыслы и нового лирического героя [24]²⁰: в зависимости от того, читать ли поэтиче-

18 Это, с одной стороны, отражало характерное для Средневековья четкое ролевое разграничение между *автором* и *комментатором*, а с другой — задавало очевидную иерархию между ними.

19 См.: [6, с. 177]. Данте, таким образом, делает все, чтобы предстать в глазах читателя ровней *авторам* традиционного литературного канона (т. н. *il primo canone*: Вергилий, Лукан, Гораций, Овидий), состав которого перечислен в VN XXV (16).

20 Ср. с закрепившейся в отечественном дантоведении точкой зрения, согласно которой проза комментирует (и даже «педантично» комментирует [1, с. 43]) стихи, т. е. отношения прозы и стихов по умолчанию подразумеваются взаимодополняющими и гармоничными.

ские компоненты *libello* как самостоятельные произведения или как часть органического целого, они будут рассказывать абсолютно разные истории. Первым данную особенность лирики «Новой Жизни» отметил еще в 1961 г. Доменико Де Робертис [20]. Позднее он же установил существование более ранних редакций для некоторых стихов, включенных в прозиметр: в ходе работы над *libello* Данте подверг эти ранние варианты переработке различной степени серьезности [18; 15; 16]. Тем самым Де Робертис положил начало пересмотру устоявшихся представлений о генезисе книги: то обстоятельство, что Данте не только *отбирал* для нее подходящие компоненты из юношеской лирики, но и *перекладывал* их в соответствии с концепцией нового сочинения, разумеется, серьезно ослабляет позиции сторонников «автобиографической версии». Так вопрос о конфликте прозы и поэзии «Новой Жизни» был введен в поле научного обсуждения. Однако дело, начатое выдающимся итальянским филологом, долго не находило продолжателей. Еще сравнительно недавно Микеланджело Пиконе напоминал, что вопрос о составной структуре книжицы остается одним из самых насущных, но, к сожалению, наименее обсуждаемых вопросов критического толкования «*Vita Nova*» [30, с. 177]. Действительно, неоднозначность отношений прозы и поэзии в «Новой Жизни» долго пребывала в итальянском дантоведении в ранге не подкрепленной новыми исследованиями констатации²¹. Напротив, тема активно исследовалась американскими специалистами по Данте, в первую очередь Теодолиндой Баролини и Мануэле Граньолати (см.: [17; 24; 7; 22; 23]).

Что касается отечественного дантоведения, то в нем проблемы, связанные с «двойной временной перспективой»²² поэтических компонентов *libello*, упоминались, насколько нам известно, лишь М. Л. Андреевым. Данный вопрос был коротко затронут в написанном им разделе «Истории литературы Италии» [5, с. 316], но, к сожалению, не получил необходи-

Наиболее детальное отечественное исследование прозы и стихов «Новой Жизни» принадлежит Г.Н. Елиной [2; 3; 4].

21 Помимо Д. Де Робертиса, данный вопрос затрагивали лишь М. Марти [27, с. 152] и М. Пиконе [30]. Напротив, С. Карраи, лаконично упомянув в 2009 г., в предисловии к собственному изданию «Новой Жизни», что «отношения между поэтическими текстами и обрамлением в прозе выглядят отнюдь не мирными» [19, с. 19]), больше не возвращается к этой теме.

22 «*la doppia prospettiva temporale*» [24, с. 9].

мой артикуляции и в целом остался «на периферии» размышлений автора. Таким образом, для отечественного дантоведения анализ «Новой Жизни» через призму неоднозначных отношений прозы и лирики все еще остается практически не исследованной темой.

В 2015 г. конфликт между прозой и стихами *libello* получил важное институциональное признание в подготовленном для издательского дома «Salerno editrice» новом комментированном издании «Vita nova» под редакцией Донато Пировано [29, с. 5–8]. Оно появилось через 4 года после выхода комментированной публикации тех же дантовских текстов, осуществленной (в рамках конкурентного юбилейного проекта) издательством «Mondadori» [14]²³. Сравнение двух «Vita n(u)ova»²⁴ весьма поучительно: обеим присущ здоровый академический консерватизм²⁵ и выраженная ориентированность на достижения в первую очередь итальянского дантоведения. Тем не менее «Salerno» демонстрирует большую, по сравнению с «конкурентами», открытость зарубежным веяниям²⁶: в своей вступительной статье Д. Пировано затрагивает тему непростых отношений между стихами и прозой *libello*, легитимируя таким образом проблему, разрабатывавшуюся до этого почти исключительно американскими *Dante scholars* (на которых итальянские дантоведы долгое время смотрели немного сверху вниз, как на «младших коллег»). Что же нового анализ расхождений между прозой и лирикой «Новой Жизни» вносит в наше восприятие этого сочинения и каким образом меняет устоявшиеся представления о нем как автобиографическом нарративе? Коротко остановимся на двух примерах того, как созданные в 1280-е гг. стихи радикально меняют свою семантику после включения в прозиметр.

23 В «Mondadori» «Новая Жизнь» вышла в редакции и с комментариями Г. Горни (G. Gorni), «Rime» — с комментариями К. Джунта (C. Giunta).

24 Названия прозиметра в указанных изданиях не совпадают: в «Mondadori» предпочли латинский вариант («Vita nova»), в «Salerno» — «флорентийский» («Vita nuova»), хотя предложенная в его пользу аргументация [29, с. 3] не выглядит убедительно.

25 О «консервативном уклоне» издательской политики «Mondadori» свидетельствует, например, то, что в корпус лирики Данте не включены стихи, вошедшие в прозиметр и трактат «Пир». Таким образом, в вопросе о составе *gime* ответственный редактор ориентировался на канон Джанфранко Контини (1939), что выглядит шагом назад по сравнению с изданиями Д. Де Робертиса [15] и Т. Баролини [17].

26 Но во многих принципиальных вопросах (выбор списка, разделение текста на 42 главы, хронологический принцип организации *gime*) Д. Пировано и М. Гримальди следуют за М. Барби (1907, 1921).

Сонет «A ciascun'alma presa»²⁷, если рассмотреть его вне контекста libello, представляет собой описание загадочного аллегорического сна, в котором автору является Amor, держащий в руках его сердце и спящую даму²⁸. В заключительном терцете сонета Amor пробуждает даму и заставляет ее съесть пылающее сердце²⁹, после чего удаляется, рыдая³⁰. Как следует из начальных строк, сонет обращен ко всем влюбленным и благородным душам, у которых поэт просит помощи в толковании сновидения. Проза «Новой Жизни» добавляет, однако, множество новых важных деталей, относящихся к его предыстории. Из нее мы, в частности, узнаем, что сонет был написан под впечатлением эмоционального потрясения, пережитого автором после второй встречи с donna gentilissima, во время которой она «доброжелательно приветствовала» (VN III (I 12)) его. В прозе уточняются дата и время встречи (через 9 лет после первой, т. е. в 1283 г., в девятом часу), ее место (на улице), обстоятельства (вплоть до цвета одежды «благороднейшей» и упоминания о сопровождавших ее дамах). Кроме того, описаны действия поэта, непосредственно предшествовавшие сновидению (VN III (I 13)), содержание которого, кстати, в прозе выглядит гораздо более развернутым.

Немного иначе, чем в сонете, изложена в прозе и история его «рассылки»: из нее выясняется, что адресатами были не анонимные «влюбленные души», а знаменитые поэты того времени, многие из которых откликнулись на просьбу автора и прислали поэтические ответы-толкования описанного в сонете сновидения. Каким бы незначительным ни выглядело на первый взгляд это уточнение, оно серьезно меняет весь характер эпизода, который таким образом теряет условно-абстрактный характер и предстает частью хорошо известной по другим источникам той эпохи поэтической практики [8, с. 40].

Наконец, в «Новой Жизни» радикально переосмыслен, благодаря комментарию в прозе, последний стих сонета, *appresso gir lo ne vedea piangendo* (Но, уходя, мой господин рыдал). Картина удаляющегося с неизвестной дамой на руках рыдающего Амора предстает в прозиметре про-

27 «Влюбленным душам посвящу сказанье». VN III.10-12 (1.21-23). Здесь и далее «Новая Жизнь» цитируется в переводе И.Н. Голенищева-Кутузова.

28 В его объятьях дама почивала, / Чуть скрыта легкой тканью покрывал.

29 И, пробудив, Amor ее питал / Кровавым сердцем, что в ночи пылало.

30 Но, уходя, мой господин рыдал.

фетическим видением будущей смерти и вознесения на небо Беатриче (VN III (I 15)), персонаж которой наделяется отчетливо христологическими коннотациями³¹.

Если автобиографический характер истории с публикацией «сонета о съеденном сердце» не вызывает у исследователей сомнений³², то в отношении любовной истории, послужившей поводом для его создания, подобной уверенности у них нет. Более того, имеются основания полагать, что составившая сюжетный стержень книги *love story* имела чисто литературное происхождение, а «миф Беатриче» родился как раз во время работы Данте над прозиметром, т. е. в первой трети 90-х гг. XIII в. [32, с. 38]³³. Данный вывод следует из сопоставления поэтических текстов *libello* с их более ранними версиями, а также из наблюдений за тем, как меняется семантика одних и тех же стихотворений в зависимости от того, читаем мы их в контексте *libello* или изолированно. Так, схожую с «*A ciascun'alma presa*» трансформацию претерпевает в процессе включения в *libello* другой важный для понимания поэтической эволюции Данте сонет, «*Cavalcando l'alt'r'ier per un cammino*»³⁴, любопытный уже тем, что некоторые его стилимы (*cammino, in mezzo de la via*) напрямую отсылают к *Inferno* I [17, с. 219]. Его сюжет — встреча повествователя «книжицы», вынужденно покинувшего даму своего сердца, с Амором. Разрабатываемая тема — изменчивость любовного чувства: Amor повелевает своему подданному, болезненно переживающему расставание с возлюбленной, *servir novo piacere*, т. е. выбрать новый объект для куртуазного поклонения (термин *servir* отсылает здесь к характерному для куртуазной поэзии пониманию любви как вассального служения). На первый взгляд перед нами традиционная куртуазная топика (разлука с возлюблен-

31 «После этого, пробыв недолго со мной, радость Амора претворилась в горькие рыдания; рыдая, он заключил в свои объятия госпожу *и с нею — чудилось мне — стал возноситься на небо*». (VN III (I 18). Курсив наш. — Е.М.). Аналогия между Беатриче и Христом получит еще более отчетливую артикуляцию в VN XXIV (15).

32 До нас дошли сонеты-ответы корреспондентов Данте: помимо Г. Кавальканти, свои толкования сновидения прислали поэт Данте да Майяно и неизвестный автор, которого большинство специалистов склонны отождествлять с Терино да Кастельфьорентино (Terino da Castelfiorentino).

33 То есть после смерти Беатриче Портинари (июнь 1290 г.), которую многие считают прототипом «благороднейшей». Восходящая к Пьетро Алигьери и Боккаччо традиция отождествления *donna gentilissima* с дочерью флорентийского купца Фолько Портинари имела, впрочем, авторитетных оппонентов, в том числе Якопо Алигьери.

34 VN IX (4.9) («Позавчера я на коне скакал»).

ной, персонализация Амора), дополненная узнаваемыми кавалькантианскими мотивами³⁵ и *clins d'oeil* в сторону «*primo amico*»³⁶, а также темой переменчивости любовного чувства (*piacer*), которая будет играть важную роль в творчестве зрелого Данте. Через несколько лет она получит продолжение в поэтической переписке с Чино да Пистойя (1303–1306), в которой Данте признает легитимность данного феномена³⁷.

Как и в случае «*A ciascun'alma presa*», включение «*Cavalcando l'altr'ier per un sammino*» в «книжицу» влечет целый ряд смысловых «сдвигов». Первое, что бросается в глаза, — усиление кавалькантианских мотивов³⁸. Заметные уже в сонете, отсылки к узнаваемым стилям и поэтическим приемам Гвидо получают в *ragione* (написанной прозой «подводке» к поэтическому тексту) дополнительную артикуляцию³⁹. По версии одной из лучших исследовательниц дантовских *time* Т. Баролини, следы «текстуального присутствия Кавальканти» в «Новой Жизни» и в двух не вошедших в прозиметр канцонах, относящихся к «периоду “Новой Жизни”»⁴⁰, указывают на поэтапный генезис *libello* и напоминают о моделях и сценариях, которые Данте опробовал в процессе работы и от которых затем отказался [17, с. 291]. Ее гипотеза о том, что Данте какое-то время рассматривал возможность «кавалькантианского сценария» для своего прозиметра, решительно порывает с «биографической концепцией» *libello* и выводит обсуждение этого дантовского текста на совершенно новый уровень.

Другим важным изменением, обусловленным включением сонета в «книжицу», является прямое отождествление в прозе неназванной покинутой возлюбленной с Беатриче (VN IX (4.9)). Как следствие, совершенно по-новому начинает звучать совет, который в сонете дает протагонисту

35 См., например, описание Амора.

36 О «кавалькантианской матрице» сонета см. Баролини [17, с. 216–217] и Холландер [25, с. 213]. Т. Баролини принадлежит замечание о том, что деепричастие *cavalcando* в корпусе текстов Данте представляет собой гапакс.

37 Сонет «*Io sono stato con Amore insieme*»: *И шпору новую вонзят Amor, / Коль прежнюю красую не согрета / Твоя душа. Таков твой приговор* (пер. Е. Солоновича).

38 Подробнее об этом: [17, с. 216–217].

39 В структуре «Новой Жизни» сонет символически маркирует переход от ранней лирики (созданной под влиянием Гвиттоне д'Ареццо и тоскано-сицилийской школы) к освоению поэтики Кавальканти (ее влияние особенно заметно в сонетах «эпизода насмешки» (VN XIV (7)–XVI (9)), которая будет «преодолена» после «открытия» стиля «похвалы» (*stile della loda*) в «*Tanto gentile*» («Приветствие владычицы благой». VN XXVI (17)).

40 «*E' m'incresce di me sì duramente*» и «*Lo doloroso amor che mi conduce*».

Амор (*servir novo piacere*). Если рассматривать его вне сюжетного контекста прозиметра, это практически повторение утвердительного ответа, который сам Данте через несколько лет даст, в переписке с Чино, на вопрос о том, «законно ли освобождать в душе место для новой любви?». Напротив, в контексте *libello* пожелание *servir novo piacere* звучит как призыв найти новую «даму-ширму», чтобы скрыть от посторонних глаз неизменную любовь автора к Беатриче. Другими словами, по пути от сонета к книге совет *servir novo piacere* полностью изменил свое первоначальное этическое содержание: легитимируя *изменчивость* любовного чувства в сонете, в прозиметре он утверждает его *неизменность*, даже после смерти возлюбленной [17, с. 218; 24, с. 14–15]. Список примеров подобной креативной переработки ранних текстов Данте в «Новой Жизни» можно продолжить⁴¹.

Миф «Новой Жизни» как автобиографического нарратива, фиксирующего события жизни реального исторического персонажа (Данте) в городе, по умолчанию отождествляемом с Флоренцией, оказался в последние годы основательно поколеблен. Симптоматично, что те, кто принимает на веру «автобиографический пакт» [26] «Новой Жизни», оперируют совсем другими категориями, когда речь заходит о «Божественной Комедии», еще одном «автобиографичном» тексте Данте. Протагониста роета састо если и отождествляют с автором, то лишь до определенной степени [10, с. 464–465]. Никому не приходит в голову утверждать, что Данте действительно совершил путешествие в Ад, Чистилище и Рай, несмотря на очевидное сходство нарративных приемов, при помощи которых он добивается «эффекта правдоподобия» в прозиметре и в поэме — и в том, и в другом тексте автор искусно балансирует на тонкой грани между *правдоподобным* и *правдивым*.

Заключение

Резюмируя результаты изучения юношеского сочинения Данте, следует отметить, что наши представления об этом тексте за последнее десятилетие значительно углубились. В частности, прояснились более сложная,

41 Признаки ре-семантизации Т. Баролини и М. Граньолати находят, кроме того, в «O voi che per la via d'Amor passate», «Ballata i' voi», «Ne li occhi porta la mia donna amore», «Tanto gentile e tanto onesta pare», «Io mi senti' svegliar dentro a lo core», «L'amaro lagrimare», «Lasso, per forza di molti sospiri».

чем долгое время представлялось, структура «книжицы» и ее интеллектуальный характер — безусловные свидетельства амбициозности молодого автора. В «Новой Жизни» Данте, как мы теперь знаем, выступает смелым формальным экспериментатором: не довольствуясь заимствованием имевшихся в его распоряжении готовых нарративных моделей, он радикально переосмысляет и «драматизирует» [6, с. 179] взаимоотношения прозы и поэзии, превращая напряжение между ними в источник новой повествовательной динамики. Идеологическая переработка собственных ранних текстов, повторно используемых как «материал для лепки» новых форм [17, р. 86], продвижение нового, ранее не существовавшего культурного статуса (*auctor*, пишущий на вольгаре), постоянная устремленность вперед⁴² — все свидетельствует о том, что молодой автор не просто опередил свою эпоху, но и предвосхитил многие важные открытия Нового времени. Так, удивительная черта Данте, автора и политика, — способность, оставаясь в сущности консерватором и приверженцем старых моделей, каким-то образом всякий раз оказываться бескомпромиссным новатором, — в полной мере проявилась уже в «Новой Жизни», в которой традиционнейшие языковые и жанровые формы (латинские цитаты, схоластический комментарий) использованы для легитимации гибридного⁴³ нарратива нового типа, включающего в себя первый в романских литературах авторский комментарий к собственному тексту [6, с. 185]. В «Новой Жизни» мы присутствуем при *сотворении*⁴⁴ совершенно нового, не известного Средневековью типа «автора» — демиурга и генератора смыслов.

В последние годы, в результате совместных усилий медиевистов и дантоведов, обозначились новые направления в исследовании сложных взаимосвязей между дантовским прозиметром и социально-политическим и идеологическим контекстом, в котором он увидел свет. Юношеское сочинение Данте и архивные свидетельства о флорентийском периоде его жизни впервые предстали как продолжения друг друга, а не плохо связанные между собой разноприродные явления. Пожалуй, впервые за всю историю дантовских штудий «Данте» филологов и «Данте» историков-

42 По точной формулировке М.Л. Андреева: «Системы нет, есть постоянное движение, и только так, в движении, дантовскую лирику как будто и можно рассматривать» [5, с. 314].

43 О гибридной природе дантовского прозиметра см.: [6, с. 181].

44 См. заглавие замечательной монографии А. Асколи: [6].

архивистов выглядят как две коррелирующие ипостаси одного и того же человека — амбициозного интеллектуала, неудовлетворенного собственным социально-культурным статусом и находящего в этой неудовлетворенности импульс для поисков и экспериментов. Масштабы и характер этой корреляции еще предстоит уточнить и детализировать, но одно уже сейчас не подлежит сомнению: в середине 90-х гг. XIII в. Данте был занят выстраиванием собственного статуса сразу в двух плоскостях. Если в поле литературы разработанные им стратегии самоутверждения («*Vita Nova*») оправдали ожидания, то в поле политики первоначальный быстрый успех (приорат) оказался непродолжительным: политический кризис во Флоренции 1300–1302 гг. положил конец претензиям Данте на политическое наследие Брунетто Латини и открыл новую страницу в его жизни — изгнание.

Список литературы

- 1 *Доброхотов А.Л.* Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. 209 с.
- 2 *Елина Н.Г.* «Новая Жизнь» как прозиметр // Дантовские чтения. М.: Наука, 1973. С. 186–196.
- 3 *Елина Н.Г.* Поэзия «Новой Жизни» // Дантовские чтения. М.: Наука, 1971. С. 52–145.
- 4 *Елина Н.Г.* Проза «Новой Жизни» // Дантовские чтения. М.: Наука, 1973. С. 142–186.
- 5 История литературы Италии. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. I: Средние века / отв. ред. М.Л. Андреев, Р.И. Хлодовский. 590 с.
- 6 *Ascoli A.R.* Dante and the making of a modern Author. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 476 p.
- 7 *Barolini T.* Editing Dante's "Rime" and Italian Cultural History: Dante, Boccaccio, Petrarca, Barbi, Contini, Foster-Boyde, De Robertis // Lettere italiane. 2004. Vol. 56. P. 409–442.
- 8 *Barolini T.* The poetic exchanges between Dante Alighieri and his "amico" Dante da Maiano: a young man takes his place in the world // "Legato con amore in un volume". Essays in Honour of John A. Scott / John J. Kinder, Diana Glenn (eds). Firenze: Leo S. Olschki, 2013. P. 39–61.
- 9 *Carrai S.* Dante elegiaco. Una chiave di lettura per la «Vita nova». Firenze: Olschki, 2006. 122 p.
- 10 *Cervigni D.* Review: Vita nuova. Rime. A cura di Donato Pirovano e Marco Grimaldi. Nuova edizione commentata delle Opere di Dante in 8 volumi. Vol. I, t. I. Roma, Salerno Editrice, 2015 // Annali d'italianistica. 2016. Vol. 34. P. 464–465.
- 11 Codice Diplomatico Dantesco / A cura di Teresa De Robertis, Giuliano Milani, Laura Regnicoli, Stefano Zamponi. Nuova Edizione Commentata delle Opere di Dante. Vol. VII/3. Roma: Salerno Editore, 2016. C–808 p.
- 12 Dante attraverso i documenti. I. Famiglia e patrimonio (secolo XII – 1300 circa) / A cura di Giuliano Milani e Antonio Montefusco // Reti Medievali Rivista. 2014. Vol. 15. № 2.
- 13 Dante attraverso i documenti. II. Presupposti e contesti dell'impegno politico a Firenze (1295–1302) / A cura di Giuliano Milani e Antonio Montefusco // Reti Medievali Rivista. Vol. 18. 2017. № 1.
- 14 *Dante Alighieri.* Opere. Vol. I: Rime, Vita Nova, De vulgari eloquentia / A cura di Claudio Giunta, Guglielmo Gorni, Mirko Tavoni. Introduzione di Marco Santagata. Milano: Mondadori, 2011. 1686 p.
- 15 *Dante Alighieri.* Rime / Edizione critica a cura di Domenico De Robertis. Firenze: le Lettere, 2002. 3 voll.
- 16 *Dante Alighieri.* Rime / Edizione commentata a cura di Domenico De Robertis. Firenze: Galluzzo, 2005. LII–628 p.

- 17 *Dante Alighieri*. Rime giovanili e della Vita Nuova / Cura, saggio introduttivo e introduzioni alle singole rime di Teodolinda Barolini. Note di Manuele Gragnolati. Milano: Rizzoli, 2009. 543 p.
- 18 *Dante Alighieri*. Vita Nuova / A cura di D. De Robertis // Dante Alighieri. Opere minori. Vol. I, 1. Milano-Napoli: Ricciardi, 1980. 247 p.
- 19 *Dante Alighieri*. Vita nova / A cura di Stefano Carrai. Milan: Biblioteca Universale Rizzoli, 2009. 193 p.
- 20 De Robertis D. Il libro della «Vita Nuova». Firenze: Sansoni, 1970. 289 p.
- 21 *Diacciati S.* Dante: relazioni sociali e vita pubblica // Dante attraverso i documenti I. P. 243–270.
- 22 Ead. Dante and the origins of Italian Literary Culture. New York: Fordham University Press, 2006. P. 245–278, 433–441.
- 23 *Gragnolati M.* Authorship and Performance in Dante's "Vita Nuova" // Aspects of the Performative in Medieval Culture / Manuele Gragnolati and Almut Suerbaum (eds). Berlin; New York: de Gruyter, 2010. P. 123–140.
- 24 *Gragnolati M.* Trasformazioni e assenze: la performance della "Vita nova" e le figure di Dante e Cavalcanti // L'Alighieri. 2010. Vol. 35. P. 5–23.
- 25 *Hollander R.* Dante and Cino da Pistoia // Dante Studies, with the Annual Report of the Dante Society. 1992. Vol. 110. P. 201–231.
- 26 *Lejeune Ph.* Le pacte autobiographique. Paris: Le Seuil, 1975. 364 p.
- 27 *Marti M.* "L'una appresso de l'altra maraviglia" (V.N., XXIV, 8): Stilnovo, Guido, Dante nell'ipostasi vitanovistica // La gloriosa donna de la mente / Vincent Moleta (ed.). Firenze, 1994. P. 481–503.
- 28 *Milani G.* Dante politico fiorentino // Dante attraverso i documenti II. P. 511–563.
- 29 Nuova edizione commentata delle opere di Dante. Vol. 1: Vita nuova. Rime / A cura di Donato Pirovano, Marco Grimaldi. Roma: Salerno Editrice, 2015. LXXIV–803 p.
- 30 *Picone M.* La teoria dell'«auctoritas» della "Vita nova" // Tenzzone. 2006. № 6. P. 173–191.
- 31 *Picone M.* Il *prosimetrum* della "Vita nova" // Arzanà. Cahiers de littérature médiévale italienne. 2001. № 7. P. 177–194.
- 32 *Santagata M.* Dante. Il romanzo della sua vita. Mondadori, 2012. 467 p.
- 33 *Tavoni M.* Quando, dove e per chi sono stati scritti il Convivio e il De vulgari eloquentia // *Tavoni M.* Qualche idea su Dante. Bologna: Il Mulino, 2015. P. 77–103.

References

- 1 Dobrokhoto A.L. *Dante Alig'eri* [Dante Alighieri]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 209 p. (In Russ.)
- 2 Elina N.G. "Novaia Zhizn'" kak prozimetr ["Vita Nova" as Prosimetrum]. *Dantovskie chteniia* [Dante Readings]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 186–196. (In Russ.)
- 3 Elina N.G. Poeziia "Novoi Zhizni" [Poems of the "Vita Nova"]. *Dantovskie chteniia* [Dante Readings]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 52–145. (In Russ.)
- 4 Elina N.G. Proza "Novoi Zhizni" [Prose of the "Vita Nova"]. *Dantovskie chteniia* [Dante Readings]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 142–186. (In Russ.)
- 5 *Istoriia literatury Italii* [A History of Italian Literature]. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2000. Vol. I: Srednie veka [The Middle Ages], ex. ed. by M.L. Andreev, R.I. Khlodovskii. 590 p. (In Russ.)
- 6 Ascoli A.R. *Dante and the making of a modern Author*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 476 p. (In English)
- 7 Barolini T. Editing Dante's "Rime" and Italian Cultural History: Dante, Boccaccio, Petrarca, Barbi, Contini, Foster-Boyde, De Robertis. *Lettere italiane*. 2004, vol. 56, pp. 409–442. (In English)
- 8 Barolini T. The poetic exchanges between Dante Alighieri and his "amico" Dante da Maiano: a young man takes his place in the world. "Legato con amore in un volume". *Essays in Honour of John A. Scott*. Ed. by John J. Kinder, Diana Glenn. Firenze, Leo S. Olschki, 2013, pp. 39–61. (In English)
- 9 Carrai S. *Dante elegiaco. Una chiave di lettura per la "Vita nova"*. Firenze, Olschki, 2006. 122 p. (In Italian)
- 10 Cervigni D. Review: Vita nuova. Rime. A cura di Donato Pirovano e Marco Grimaldi. Nuova edizione commentata delle Opere di Dante in 8 volumi. Vol. 1, t. 1. Roma, Salerno Editrice, 2015. *Annali d'italianistica*, 2016, vol. 34, pp. 464–465. (In English)
- 11 *Codice Diplomatico Dantesco* / A cura di Teresa De Robertis, Giuliano Milani, Laura Regnicoli, Stefano Zamponi. Nuova Edizione Commentata delle Opere di Dante. Vol. VII/3. Roma, Salerno Editore, 2016, C–808 p. (In Italian)
- 12 Dante attraverso i documenti. I. Famiglia e patrimonio (secolo XII – 1300 circa) / A cura di Giuliano Milani e Antonio Montefusco. *Reti Medievali Rivista*, 2014, vol. 15, no 2. (In Italian)
- 13 Dante attraverso i documenti. II. Presupposti e contesti dell'impegno politico a Firenze (1295–1302) / A cura di Giuliano Milani e Antonio Montefusco. *Reti Medievali Rivista*, 2017, vol. 18, no 1. (In Italian)
- 14 Dante Alighieri. *Opere. Vol. 1: Rime, Vita Nova, De vulgari eloquentia* / A cura di Claudio Giunta, Guglielmo Gorni, Mirko Tavoni. Introduzione di Marco Santagata. Milano, Mondadori, 2011. 1686 p. (In Italian)
- 15 Dante Alighieri. *Rime* / Edizione critica a cura di Domenico De Robertis. Firenze, le Lettere, 2002. 3 voll. (In Italian)

- 16 Dante Alighieri. *Rime* / Edizione commentata a cura di Domenico De Robertis. Firenze, Galluzzo, 2005, LII–628 p. (In Italian)
- 17 Dante Alighieri. *Rime giovanili e della Vita Nuova* / Cura, saggio introduttivo e introduzioni alle singole rime di Teodolinda Barolini. Note di Manuele Grag nolati. Milano, Rizzoli, 2009, 543 p. (In Italian)
- 18 Dante Alighieri. *Vita Nuova* / A cura di D. De Robertis. In: Dante Alighieri. *Opere minori*. Vol. I, 1. Milano-Napoli, Ricciardi, 1980. 247 p. (In Italian)
- 19 Dante Alighieri. *Vita nova* / A cura di Stefano Carrai. Milan, Biblioteca Universale Rizzoli, 2009. 193 p. (In Italian)
- 20 De Robertis D. *Il libro della "Vita Nuova"*. Firenze, Sansoni, 1970, 289 p. (In Italian)
- 21 Diac ciati S. Dante: relazioni sociali e vita pubblica. *Dante attraverso i documenti I*, pp. 243–270. (In Italian)
- 22 Ead. *Dante and the origins of Italian Literary Culture*. New York, Fordham University Press, 2006, pp. 245–278, 433–441. (In English)
- 23 Grag nolati M. Authorship and Performance in Dante's "Vita Nuova". *Aspects of the Performative in Medieval Culture* / Manuele Grag nolati and Almut Suerbaum (eds.). Berlin-New York, de Gruyter, 2010, pp. 123–140. (In English)
- 24 Grag nolati M. Trasformazioni e assenze: la performance della "Vita nova" e le figure di Dante e Cavalcanti. *L'Alighieri*, 2010, vol. 35, pp. 5–23. (In Italian)
- 25 Hollander R. Dante and Cino da Pistoia. *Dante Studies, with the Annual Report of the Dante Society*, 1992, vol. 110, pp. 201–231. (In English)
- 26 Lejeune Ph. *Le pacte autobiographique*. Paris, Le Seuil, 1975. 364 p. (In French)
- 27 Marti M. "L'una appresso de l'altra maraviglia" (V.N., XXIV, 8): Stil novo, Guido, Dante nell'ipostasi vitanovistica. *La gloriosa donna de la mente*, Vincent Moleta (ed). Firenze, 1994, pp. 481–503. (In Italian)
- 28 Milani G. Dante politico fiorentino. *Dante attraverso i documenti II*, pp. 511–563. (In Italian)
- 29 *Nuova edizione commentata delle opere di Dante*. Vol. 1: Vita nuova. Rime / A cura di Donato Pirovano, Marco Grimaldi. Roma, Salerno Editrice, 2015. LXXIV–803 p. (In Italian)
- 30 Picone M. La teoria dell'auctoritas' della "Vita nova". *Tenzzone*, 2006, no 6, pp. 173–191. (In Italian)
- 31 Picone M. Il prosimetrum della "Vita nova". *Arzanà. Cahiers de littérature médiévale italienne*, 2001, no 7, pp. 177–194. (In Italian)
- 32 Santagata M. *Dante. Il romanzo della sua vita*. Mondadori, 2012. 467 p. (In Italian)
- 33 Tavoni M. Quando, dove e per chi sono stati scritti il Convivio e il De vulgari eloquentia. Tavoni M. *Qualche idea su Dante*. Bologna, Il Mulino, 2015, pp. 77–103. (In Italian)